

Елена Ликанова

Сотворение мира

Елена Ликанова
Сотворение мира

«Издательские решения»

Ликанова Е.

Сотворение мира / Е. Ликанова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-509542-8

Сборник стихотворений разных лет. Размышления, ощущения и сны. И желание поделиться с вами своей любовью (втайне надеюсь на взаимность). Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-509542-8

© Ликанова Е.
© Издательские решения

Содержание

СТИХОТВОРЕНИЯ 1989 – 1986 ГОДОВ	6
ДЕКАДАНС. (ВАМПИРЫ)	8
СУИЦИД	9
ВОСТОК	10
ОДА САНТЕХНИКУ	14
АЙ-ПЕТРИ	15
ВАнюшкин – Мастер вагонного дела	16
ПРОГУЛКИ В БАРБАРИСОВЫХ ЧАЩАХ	18
ЗИМА	19
ПРО ШВЕЮ КВОКОВУ	21
ОЖИДАНИЕ	25
МОСТ	33
РАЗМЫШЛЕНИЯ НА КРАЮ ПРОПАСТИ, СТОЯ	34
НА ОДНОЙ НОГЕ	
ПЕСЕНКА ЁЛОЧКИ	36
Английская песенка	38
Больница	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Сотворение мира

Елена Ликанова

© Елена Ликанова, 2019

ISBN 978-5-0050-9542-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СТИХОТВОРЕНИЯ 1989 – 1986 ГОДОВ

Я сам к себе прикован цепью,
Как ко Второму Интернационалу —
Клара Цеткин.

Нас бросили, как кур в ошип,
На празднество, на гульбище,
Дела у нас отличные,
Хотим побыть как вы чуть-чуть —
Распахивая форточки,
Высовываем мордочки.
Нас двое, трое, четверо,
Настрой настырный, ветренный,
Как только поостудимся,
Оставим пересуды все,
Потом на дно опустимся, —
Росу с морской капусты пить,
А вечером со светлячком,
К земле прильнув, как вор, ничком,
Один из нас под корочкой
Останется травы пучком...
И вот, мы снова будничны,
Мы вспомнили о будущем,
И вот, мы снова нищие, —
Нас бросили, как кур во щи.

1989 года

Ты – не увиденный никем свет,
Ты – не услышанный никем ветер,
Что только волос шевелит всем,
Что только в голос задувает фетр.
Пусть злоумышленника глаз остр,
И благодетеля не спит мозг,
Своей душе теперь сверши смолот,
Застынь в расплавленной свечи воск,
Составь фигурую своей ком,
Ты – не угаданный никем сплав,
Ты только часть того, что целиком,
Немая литера в толпе глав.
Но вот советчика язык сыт,
Завис предвиденных обид свод,
Нас первобытный охватил стыд,
Нас покаяние пролило в пот.
Забыла смелость города брать,
Забыла бодрость заводить пляс,

И кто-то должен хоронить мать,
И трудно Богу охранять нас.
Я разделенья не приму крест,
Я половинчата, со мной будь!
Но не запятнана твоя честь,
И бесконечен до звезды путь.
Кто эта женщина, чего ждёт,
Каких объятий и каких ласк,
Зачем проклятия за мной шлёт?
Давно утеряна моя власть.
Зачем затеяна теперь месть
Взамен разбросанных в сердцах фраз,
Зачем не узнана никем весть,
Что ты погублен тем, кого спас.

1989 год

ДЕКАДАНС. (ВАМПИРЫ)

В саду гуляли дамы, мне снились сны,
Бесстыдно и упрямо мне снились Вы,
Потом мне стали сниться сны этих дам —
Испуганные лица, белёсый шрам...
Я Вам помочь не смею и не хочу,
Сказать я не умею, и, вот, молчу.
Сиреневые платья кольшутся,
Уверенное: «Хватит!» мне слышится,
Виденьем увлечённый, уходишь ты,
А я в наряде, чёрном до пустоты,
А я в наряде чёрном – ночь в зеркале,
Где снов моих придворный, приехал ли?
Ты сам в себе повинен, собой казнён,
Голубоватых лилий качнулся сонм,
Их белизна обманна, мой бедный друг,
Вы увлеклись туманом, замкнули круг,
За рыцарство в награду ваш путь в кругу,
Я не скажу Вам правду и не солгу,
А лишь взгляну в глаза Вам, змеёй совьюсь
И уведу Вас в замок – увидят? – Пусть!
Я дам Вам прикоснуться к моим губам,
Чтоб больше не проснуться навеки Вам...
И ничего нет лучше пустынных зал,
Когда огонь приручен змеиных жал,
И никого нет тише лиловых дам,
Когда на шее вышит белёсый шрам.

1989 год

СУИЦИД

Бросился зелёный кубик
Вниз с высокого стола,
Отравился пастой тюбик,
И повесился халат.

7 апреля 1994 года

По ковровым по дорожкам
Ходят бабушки-старушки,
По кровавым по дорожкам
Ходят танки, ходят пушки...
Положась на волю Божью,
Я иду по бездорожью
Вам навстречу, брат мой, Пушкин,
Я у вас одна подружка,
Выпьем с горя, где же кружка?

ВОСТОК

О, если б ты, моя Гульмира,
Меня всего понять могла бы,
То не было б умнее бабы
Во всем подлунном этом мире!

Тебе больно, и ты бит,
бегун от мусорной ямы.
Клочок реки, зеленеющий селезнями,
остыл кувшинкой, не знакомой с берегом...
Голова стремится к своему равновесию,
поэтому не поднимается от земли —
меня всегда упрекали за это,
а я ищу небо, отражённое в воде.

Эхо – хо
Любезный зверь,
Кающаяся Магдалина
С упрямостью ослиной
Молотком открывает дверь.

Правда – да,
Серебристая копоть,
Отложение солей в коленных чашах
Бездарных и измученных букашек,
Оружие которых – локоть.

Зонтик – «ик» —
Реакция на громоотводы,
Нашумевших событий гниющая нить
Или гибель магнолий, желающих пить,
Уничтоживших все космические воды,
Поливающие материк.

Верно – но
Испуг серных кислот,
Переосмысленный злодейский вездеход,
Заинтригованный трудностью спуска,
Фанатический укус манежных острот,
Кокетливых, как трясогузка,
Откройте окно!

Золото – то,
Что ищут даже в навозной куче,
Запоминайте шуршание муара,
Оно прозвучало недаром,

Безнадёжный случай.

Лепнина – на!
Завёрнутый в ореховую скорлупку,
Потерявший надежду узнать силуэт своей тени,
Путающий Алушту и Алупку,
Но носящий ордена.

Лишай – ай!
Пылесосная пыль,
Оскорбленная чёрствостью нравов,
Не свершившая взлета налево, а, может, направо,
Не замутившая разума.

Уф! Теорема Ферма узнаваема очень,
Ложный вызов по водосточной трубе,
Заучивший четыре страницы неизвестности,
Но по причине незнания местности,
Обессиленной в этой неравной борьбе
И зависшей, как розовый туф.

1989 год

Трубчатый завод
Имени Вождя
Мелко задрожал,
Выпустив пары,
Свой холодный пот
Каплями дождя
Ветер, светлый принц,
О твои миры.
Эй, интеллигент,
Тонкостей знаток,
Дайте же ему
Носовой платок!

6 января 1989 г.

Велосипедом быть легко,
Когда стоишь ты на приколе,
И нет твоей хозяйки Оли,
Что сядет на тебя верхом.

Завесы вестникам верны,
Они их очень уважают,
Ведь и слова нам не мешают,
Когда не произнесены.

На белой даче с жёлтой занавеской

Дрожит моя больная голова,
Она терпела аргументы веские —
Сердитые и грубые слова,
Она висит на нитке колокольчиком,
От ветерка колышется, звенит,
В каком-то оупении игольчатом,
Как солнце, восходящее в зенит,
Она молчит, не смея утешаться
Тем, что когда-то думала, жила,
Что волею ее могли решаться
Большие и серьёзные дела...
Зачем скорбеть об остановке в мыслях,
Запутавшихся в собственной игре,
Зачем чрез это становится лысым
На лобном и затылочном бугре?
Есть звёздный путь,
Проторенный и млечный,
Есть в стенах бреши
В форме чьих-то лбов,
И есть спасенье только в царстве снов
И вера на секунду, что ты вечен.

3 мая 1989 года

Мне ветер ныл осенний, залечивал,
Осенний-карусельный, бубенчатый,
Мне дождичек кропил-накрапывал,
По капле мне меня выкапывал,
А ветер всё вертел-раскручивал —
Никто ведь не хотел, а мучают.
Иди-пойди, ступай – похаживай,
Студи да задувай, пока живой,
Ищи меня – свищи – во поле цвет,
Да спрячь, а не тащи на белый свет.
Твердят мне: «Вот зима, заплатишь ей,
Храбришься, а сама лишь в платишке».
Мне жизни с вами нет под снЕгами...
Они за мною вслед: «Побегаем»,
Они за мною вскачь по сырости,
Листочек – плачь, не плачь – осыпался,
А ветер все кряхтел да ёжился:
«Я разве не хотел по-божески?»

В одном стакане, как на вулкане,
Мы друг за другом
Бежим по кругу...
Кудрявый пудель – моя собачка,
Что дальше будет? —
Пусти, горячка!

Опять осечка, опять промашка,
О грань рассечься – и вверх тормашкой,
Свистит галёрка, партер рыдает,
Бежит четвёрка по вертикали.
Мелькают ножки, хрустят коленки,
Витые ложки бренчат о стенки...
Мы заигрались, совсем забылись,
Закувыркались, остановились, —
К чему такая нам жизнь стаканья? —
Налей какао – и мы за гранью...
Один другого не заарканил,
Ведь темп канкана не для стакана.

9 августа 1989 года

ОДА САНТЕХНИКУ

В моей ли горнице светло?
В своей ли горнице сижу?
Кто в ожиданьи тут – не я ль?
В тоске проходит день за днем —
А может, он ушёл к другой,
А может, обо мне забыл? —
А ведь когда-то обещал,
А ведь когда-то предлагал...
И льдом становится вода,
И косяки летят на юг —
И нету ближе никого,
Его никем не заменить,
Я проглядела все глаза,
Ведь он вернуться обещал —
«На затопление», – сказал
И навсегда околдовал...
Но я дождусь его, дождусь,
Придёт сантехников пора,
Вернутся теплые деньки,
И снова зажурчит вода.

АЙ-ПЕТРИ

Ай-Петри нет опять,
Опять я в никуда не вышел,
Опять спасён...
Душистый мой щипатель, сквернушка мелкая,
За дрожь приняв мою улыбку,
Раскартонила себя как-либо,
То «либо»
Метлой поганенькой за ножку цап!
И нет картонки...
Вот ведь что, а?
Право, глупые оплошности.

Ванюшкин – Мастер вагонного дела

Ванюшкин – мастер вагонного дела,
Проснулся, себя оглядел очумело,
Рукой о карман зацепился и замер,
Потом по забору пошарил глазами,
Потом приподнялся, нуждаясь в опоре,
Прочёл и запомнил слова на заборе,
Пролез в ту дыру, что забор составляла,
Направился к той, что сироп разбавляла,
Пройдя мимо тех, кто ещё не решился,
А также других – кто уже закупился.
Пронес он себя по полям по футбольным,
И по волейбольным, и по баскетбольным,
Спустился в подвал – там река протекала,
Поднялся на крышу – там пела ворона...
Леса из антенн ему путь преграждали
И соком берёзовым ток выпускали.
И Ванюшкин с крыши на землю спустился,
Где грязный бычок на бочок завалился,
Он взял тот бычок, сложный танец исполнил
И свой организм никотином наполнил...
А гаечный ключ по карману крадется,
И выйти наружу ему удастся,
Свободу почуяв, загрыз удила,
Заржал и умчался, в чём мать родила.

Татьяне из Одессы

Толстушка Ассоль
В дни ожидания
Попутного ветра,
Изрядно замусолив косяк,
Устремилась ввысь, —
Таковы жажда света
И плоды воспитания.
Но поздно...
Красота пейзажа
И скорость ветра
Не помешали её кораблику
Сесть на мель
Там, где кончается вода
И снова, почему-то,
Не начинается.
Можно идти,
Перебирая песок дна ногами,
Но ей хочется летать,
Ведь лицо на фотографии

Постоянно меняет своё выражение...
Она часто болтала
С тем выражением, которое ушло вчера...
Она не любит возвращаться.
Поэтому они больше никогда не встретились,
Даже для того, чтобы попрощаться...
И правильно,
Ведь это проще, чем выпарить из репы соль,
Чтоб ей попасть в энциклопедию,
Да здравствует Ассоль!

Русли, нунки, вукли, кунти,
мунни, укты, суззи, пуспи...
Ты – на гусях, я – на дудке,
«Мунна пунти» – «жутко грустно».
Мы играем без оглядки
День ли, ночь ли, год ли, сутки,
По дождливой по погодке
Гуслевидную погудку.
То ли всхлипы, то ли вздохи,
Бормотанье где-то в ухе,
Сладко спится под гуслики
Всем бездомным и убогим,
Притомилися, бедняги,
Всяки-разны, малы-взрослы,
И заснули у дороги,
Пораскинув ноги-руки.
Я подумал на досуге:
«Отчего мы одиноки?
Отчего с собой в разлуке
И в печали и тревоге?»
И от мыслей столь жестоких,
От коварной этой муки
Слёз соленые потоки
Устремились мне на щёки.
И тогда ты мне сказала:
«Не печалься, милый друг мой,
Русли, усли, люли, укки,
Вукли, пунти, мунни, буки».

ПРОГУЛКИ В БАРБАРИСОВЫХ ЧАЩАХ

Я наблюдаю за собой
Из барбарисовых кустов,
Чтобы узнать, кто я такой
И почему же я таков,
И я гуляю по дорожке,
Чтоб отыскать свои следы —
Мои не лапки и не ножки
Ступали здесь на все лады.
Ещё пою я часто хором,
Чтоб различить свой тусклый глас,
«О, не тревожь меня укорой!» —
Старинный городской романс.
Прогулки эти, это пенье,
Вся эта глупая возня —
Всё это только подтвержденье,
Что в этом мире нет меня,
Как существа и как явления.

Ты ждёшь чего же, моя душа?
Я ль не пригожа, не хороша?
Что в поле ягод, во мне идей:
Китайских пагод, заморских фей,
А ты скучаешь в обиняках,
И всё валяешь ты дурака.
Чего же стоит моя любовь?
Иль в граде стольном нет мужиков,
Что о тебе я задумала,
Что я лелею занудину?
Ждёт королевич, зовёт Кошей —
Захлопну двери, гоню взашей...
А мне и нужен всего пустяк —
Стань моим мужем, Иван-дурак.

ЗИМА

С неба падают снежинки,
Начинается зима...
Свет мой белый, мозг мой жидкий,
Муж мой – бравый атаман.
С неба падают снежинки,
Начинается зима,
Как разжатая пружинка
Пляшет горе от ума,
Пляшет горница от печки,
Плачет свечка от огня,
Выхожу я на крылечко —
Птица счастья завтрашнего дня —
В телогрейке, рваных джинсах,
За плечом висит сума...
С неба падает Нижинский —
Начинается зима.

А я взлечу, раскинув руки,
И упаду, ломая ноги.
А ты опять зевнёшь от скуки,
Меня отскрябав от дороги.
А я тогда построю замок,
В ряды укладывая воздух,
И двух зелёных обезьянок
Я подарю тебе, мой козлик.
Ну, а потом пройду развязно
По потолку на каблуках
И расскажу тебе о разных
Невероятных пустяках.
Застряв, катаясь на верблюде,
В игольном ушке – вот досада! —
Я нарисую нас на блюде
Под грудой слив и винограда.
Неловкий паж уронит блюдо,
Под пристальным смутившись взглядом,
И ты тогда меня полюбишь
И упадёшь со мною рядом.

Лёлику Ивановичу Ку...

Я робко молчу, моё положение зыбко,
Кто-то стрекочет в углу, и он обречён.
Ты мой сверчок, я – твоя канцелярская скрипка,
Я твой постскриптум в этом письме ни о чём.

Ты говоришь, но тебя не задела улыбка,
Тебя не смутила зима, а, может, ты спишь?
День пролетел, ты уходишь в себя, как улитка,
Что ты мне пел? – не вспомнишь и не повторишь.

ПРО ШВЕЮ КВОКОВУ

Лёлику Ивановичу Ку...
Зачем Вы любите швею,
Зачем её боготворите?
И про звезду, и про змею
Зачем Вы с нею говорите?
Зачем Вы гоните меня?
Зачем Вы от меня бежите?
Я не швея, я не змея,
Мой безмятежный небожитель...
Зачем Вы любите швею,
Зачем целуете ей шею?
Я от страданий хорошею,
А Вы... Вы любите швею.

П.Р.

Ну чем я сердцу не отрада? —
Умом светла, свежа, как цитрус,
Но Вам, увы, меня не надо, —
Я мысли этой не противлюсь,
Вас увлекла принцесса цирка —
Какая странная причуда! —
Язвительна, пряма, как циркуль,
По виду сушая зануда.
Но блеск металла – Ваша слабость,
Вы весь в плену железной леди,
В лице меняетесь, как лакмус,
Своей удивлены победе.
И Вы идёте на прогулку,
В любовь играете вполсилы...
А я бы Вас кормила булкой
И ни о чём бы не спросила.

2 мая 1994 года

Кате Мельник

День протиснулся неловко
Между небом и землей,
Я вздохнул и чуть не лопнул,
Переполненный весной.
Я надел пальто, перчатки,
Я по парку сделал крюк
И у овощной палатки
Увидал тебя, мой друг.

Ты умна и расторопна,
Ты гуляешь под зонтом,
Ты таблеток психотропных
Заменяешь десять тонн.
«Не лишай меня рассудка,
Не бросай меня в фонтан!
Вновь я изгнан отовсюду,
Одинокий, как стакан...»
Но сквозь пальцы
С кислой миной
Время сыпало песок,
И фортуна мчалась мимо,
Как большое «колесо».

Я был всегда какой-то жалкий,
Я был всегда какой-то робкий,
И вдруг нашёл тебя на свалке
В большой оранжевой коробке.
Какая странная находка —
Моя неведомая тётка,
В тебе сокрытая загадка
Меня терзает и гнетёт.
Я сразу стал какой-то хваткий,
Я сразу стал какой-то вёрткий,
И стала жизнь моя несладкой
И полной тягот и забот.
В старинном белом полушалке
Ты танцевала на пригорке,
Я выпил с горя стопку водки,
И нам уже кричали: «Горько!»
И вдруг я стал какой-то шальный,
И вдруг я стал какой-то бойкий,
Стремглав схватил тебя в охапку,
Сложил в картонную коробку
И бережно отнес на свалку...
Прости, была любовь короткой.

О, слава брменная Осла!
Я дом твой наполняю ядом!
Я встретил деву без весла
И прогулялся с ней по саду.
Мы шли, и на её плечах
Ночь развевалась пеленою,
Я слушал трели в трюфелях
И разговаривал с Луною,
Я клятву верности принес,
А донести её легко ли?
Она ж вручила мне вопрос,
Весло, доспехи и левкой.

Я, безнадежностью влеком,
Иду в неведомые дали,
Слагаю песни ни о ком
К ногам своей прекрасной дамы:
«О, слава брeнная, о, сла...!» —
Но от её робею взгляда...
Прекрасна дева без весла
И в тишине ночного сада!

1 июля 1994 года

Лю.. и Добр...

Я лежу большой и сонный,
Надо мной летают совы,
Среди них одна пушистей
И румяней, чем другие, —
Это ты, моя родная,
Я б узнал тебя средь многих
По застенчивой улыбке,
По изящной по походке,
По набедренной повязке
И по яркой по раскраске.
Но прости мне, дорогая,
Неподвижность и молчанье —
Видишь ты мою скорлупку? —
Я спелёнат, будто кокон.
Не считай меня ты трусом,
Не бросай меня из окон
И не учиняй дознание —
Где я был сегодня ночью.
Я и сам того не знаю,
Но одно я точно помню —
Я лежал большой и сонный,
Надо мной летали совы.

Молния стрелой по небу шарит,
Чтоб не возвращаться налегке,
Я летаю на воздушном шаре
С голубою лентою в руке.
Терпеливо ожидая солнца,
Ты сидишь на третьем этаже
И пускаешь дымовые кольца
С лёгким сожалением в душе.
Лёгкие раскачивают воздух,
Что укрыт завесой дымовой...
Лётчики! Пока ещё не поздно,
Возвращайтесь, милые, домой!

5 марта 1994 года

ОЖИДАНИЕ

Без пятнадцати шесть,
Я сижу на диване,
Разрастается шерсть
На моем одеяле,
Ошалевшее солнце
Мчится вслед за луною,
Брызжет небо от злости
Ядовитой слюною,
Ветер крыши сдувает —
Где мой дом – моя кротость?
Я сижу на диване —
Без пятнадцати шесть...

30 апреля 1994 года

Зелёный с виду гимназист
Идёт по сонному бульвару,
И дождь слетает сверху вниз
И снизу вверх взмывает паром,
А строгий с виду машинист
Ведёт составы по маршруту,
А озорной парашютист
Себя бросает с парашютом
На головы глухих прохожих,
Как на пустынные поля...
И ты, с осанкой корабля,
Вдруг выплываешь из прихожей.

Выдры плавают в прудах,
Мымры прячутся в садах...
Где Вас нынче ветер носит? —
Вы ушли – была среда.
Пудра сыплется с небес,
Кудри Ваши – мелкий бес,
Если обо мне Вас спросят —
Откажитесь наотрез.
Чуждо мне коварство мира,
Ясно мне, что я не выбран,
Но без выдр и без мыр
Белый свет душе не мил.

2 мая 1994 года

Дж. Леннону

Завит, напудрен, напомажен,
Я был когда-то словно лорд,
И лошадь с розовым плюмажем
Моя сияла будто торт.
Я был раскрашен – стал раскрошен,
Я был красавец – стал урод,
Но лошадь с розовым плюмажем,
Она – совсем наоборот.
Шёл невеселый я однажды,
Как-будто с чьих-то похорон,
Вдруг лошадь с розовым плюмажем
Явилась мне со всех сторон.
Я был слегка обескуражен —
«Должно быть, я ума лишён?
Моя немыслимая лошадь,
Я для тебя, увы, смешон.
Но и тебе известно тоже,
Что я ходжа, а не пижон,
Моя невиданная лошадь,
Тобою я заморожен!»
Когда-то был я и моложе,
Любил детей своих и жён,
А оказалось – это лошадь,
Лишь ею был я сбережён,
А нынче продан и заложен,
Забыт, брошен, сокрушён,
И лишь неслышанная лошадь
Ржёт надо мной со всех сторон.

2 января 1994 года

Я вылетаю, как из пушки,
На злую улицу с утра,
А из моих часов кукушка
Глядит, как дождик из ведра,
И ухмыляется неброско,
Склоняя голову на грудь,
Я – человек с лицом из воска,
Хочу я в небе утонуть.
Устав блуждать среди трёх сосен,
Ночь крутит пальцем у виска, —
Приходит лето, словно осень,
Приходит радость, как тоска.
Уносит ветрениц истома
На крыльях мельниц ветряных...
Зачем же вышел я из дома?
Зачем оставил их одних?
На опустевшем перекрёстке
Стою теперь, как на духу,

И звёзды сыплются, как блёстки,
Не удержавшись наверху.
Я повторяю их кульбиты,
Верчусь, как белка в колесе,
Я вижу леди из гранита —
Звезда болтается в косе...
Кукушка наблюдает с ветки —
Ей непонятен мой полет,
Я вижу мир ногами кверху
И время задом наперед,
И пробираюсь в одиночку,
Как бестолковый неуч, я,
И довожу себя до точки,
Где льются слёзы в три ручья,
А по спине бегут мурашки,
Как будто ножки по мосту,
Но я кричу, что мне не страшно,
И засыпаю на посту,
А просыпаюсь на подушке,
Кукушка крикает: «Пора»,
Я вылетаю, как из пушки,
На злою улицу с утра.

1 июня 1994 года

Во чистом во поле
Ночь летает на метле,
Дорогой окольной
Едет всадник на коне.
Они повстречались
Между землёй и небом
И Месяцу попались
В серебряный невод...
Месяц смеётся, всадник бьётся,
Ночь роняет звёзды с лица,
Ждёт рассвет – не дожждётся
Своего гонца.

Небо, как рыбка —
Всё в серебристых чешуйках.
Землю подвесив на нитку,
Ходит время-рыбак на ходульках,
Шатаясь из стороны в сторону,
Как деревянный болванчик,
Ходит оно и стонет, и плачет:
«Ловись, ловись, рыбка,
Большая и маленькая!» —
Но никто не откликнется
На его приманку.

6 ноября 1994 года

Месяц, ясный, как загвоздка,
И сияющий, как блёстка,
Нарисует острым носом
В небе тонкую бороздку,
Дядя в кружевной сорочке —
Не малютка и не взрослый,
Прочитает эту строчку,
Теребя свою бородку,
И расчувствуется вскоре,
И пошлёт меня за водкой,
И сравнит он небо с морем,
Месяц – с лодкой.
И пойдёт у нас застолье —
Дядя выпьет и застонет,
И закусит хлебом-солью,
И не сыщёт слов...
Так сидеть мы будем трое —
Дядя, как рояль, расстроен,
Я – задумчив и спокоен,
Месяц – вдов.

1 мая 1994 года

«Как флаги на башнях
И фляги в руках,
Не стал ли вчерашним
Я сам впопыхах?» —
Спросил я себя
И спросил я других,
Но начался дождь —
Я промок и затих.

11 июля 1994 года

Разливается жестоко
Ядовитый океан,
Солнце катится с востока —
Попадается в капкан,
Его железные доспехи —
Для славных рыцарей Мальтийских,
Готовых умереть от смеха
Среди лугов Альпийских.
В руках невидимой арфистки
Есть та заветная струна,
Что превращает стёкла в брызги
Воды, а, может быть, вина...

Лишь ноги белой балерины
Величественны, как павлины.
Часовой расправит крылья
И развеет сон,
Он узреет нос зари
И засеет небо пылью.
На облака облокотившись,
Веселье близится к концу,
Под чёрной шляпкой приютившись,
За ночь не спрятаться лицу,
Сияющему, как доспехи
У славных рыцарей Мальтийских,
Мечтавших умереть от смеха
Среди лугов Альпийских.

5 сентября 1994 года

В глубоком колодце объятий
Живёт золотистая рыбка,
Я в трепетном розовом платье
Кажусь удивительно хлипкой...
Ты смотришь с довольной ухмылкой —
Авоська и хвостик редиской, —
И мне посылаешь в бутылке
Тревожную эту записку:
«Над башней высоких стремлений
Летают мыльные пузыри,
В авоське пасутся пельмени
И видят весь мир изнутри,
На цыпочках ходят по небу
Застенчивые облака,
Сиди под столом и не требуй
МукУ, чтоб валять дурака,
Получишь лишь горсточку мУки,
Что сердце сжимает в тиски,
И, чтоб не погибнуть от скуки,
Себя разорвешь на куски».

3 мая 1994 года

Коту (Косте Колпакову)

От затылка до макушки
Он слонялся по подушке,
Мыслей злые завитушки
Разметав, как волоса,
Был он знанием разрушен,
Но над морем и над сушей
Про его больную душу

Знал лишь Бог на небесах.
Он качнул себя, как ветку,
И стряхнул все эти мысли,
Хрупкий, словно табуретка,
И никчёмный, как алмаз,
Он сверкнул и заискрился
Лучезарною улыбкой,
Полусладкой-полулипкой,
Извинился и погас...
Не узнав себя в объёмном
Зазеркальном отраженьи,
Он уныло покосился
На братьев по перу,
Но об этом заикнувшись,
Он лишился уваженья,
И на грубость напросился,
И растаял поутру.
Если где-то ненароком
Я беднягу повстречаю
Иль замечу в поднебесье
Его призрачную тень,
Назову его пророком,
Напою горячим чаем,
Вмиг он станет интересен
И прекрасен, как олень.

Тане Зимаковой

На потолке мудрёный иероглиф
Мне нарисуй —
Как твой избранник жалок и уродлив —
Танцуй, танцуй!
Рвёт королева, громом поражённая,
Златую нить:
«Способна только лишь умалишённая
Его любить!»
Твой гибкий стан дрожит в объятых тролля —
Танцуй, танцуй!
И не спасет его от этой роли
Твой поцелуй,
И против вас любой теперь настроен —
Куда идти?
Как этот мир немислимо устроен! —
Свети, свети!
Что ж, собирай цветы в венок венчальный —
Плети, плети.
Что ж, выбирай, хоть ждёт тебя в начале
Конец пути.

И на коне с твоим прекрасным принцем
Гарцуй, гарцуй,
Но не смотри в растерянные лица —
Танцуй, танцуй!

5 октября 1993 года

Легко прокуковать свой век,
Когда ты рождена кукушкой,
И взглядом мягким, как подушка,
Бросаться из-под кожи век,
Легко менять весну на лето
И говорить начистоту,
Переселяться в пустоту,
Чтобы не запутаться в предметах.
Легко быть лёгкой на весах,
По капле меряющих время,
Когда сама выводишь трели
Кукушкой в солнечных часах.

7 января 1994 года

Ты переходишь меня вброд,
Но ты меня не переводишь,
Я жду, воды набравши в рот,
Молчу – тебя не переспоришь,
Не отвечая на вопрос:
«О, как меня ты переносишь?»
Ты изучаешь меня вскользь
И ни о чем не переспросишь.
Не принимай меня всерьёз,
Боюсь, что я того не стою,
Не доводи меня до слёз —
Когда-нибудь мы в них утонем!

2 января 1994 года

Голова, как на плахе, не имеет лица, —
День уходит в монахи, обратясь в чернеца...
Лишь один непокорный средь испуганных слуг,
Для работы топорной обостряется слух.
По священному долгу хороня простоту,
Привыкаю подолгу говорить в пустоту
И, не ведая света, не смотрю на восток...
День, уйдя от ответа, приходит в восторг.
Я стяхну с него пыль и возьмусь, трепеща,
Расправлять ему крылья винно-злого плаща,
Очутившись на плахе, не спрячу лица,
И забуду о страхе, обратясь в мудреца.

18—19 июня 1994 года

На подоконнике копится время, как пыль,
За подоконником топчется кто-то
И мнёт сигарету, как будто ковыль,
Во поле вопли слышны, но не видно ни зги,
Падает башня на тело,
В котором хранятся мозги...
Ты построил меня не из воска
И не из песка,
Есть у меня ров, мост,
Есть и стена из камня.
Теперь я как слово из песни
В твоих голых руках... —
Я роняю себя не из мести —
Ты ведь сам говорил,
Что не любишь витать в облаках.

28 авг. 1994 г.

МОСТ

Хрустом напорист хворост,
Поднялся в рост возраст.
Казус строит новые козни,
Пряча угрозу.
Кто-то кричит в голос —
Может, летит в пропасть?
Может, просто гудит паровозом,
Чтобы не лопнуть.
Вялый лоскут чьей-то участи
Наводит тоску на тех, кто участлив,
Великолепные кучности
Плачут от счастья.
Воздух исчез в копоти
Из поля зрения робости,
Ночь выпускает когти,
Требуя стойкости.
Время избрало назойливость
Орудием борьбы с сонливостью
Скрывая в свёртках с пошлостью
Свою брезгливость.
Только мост продолжает нести
Свою сногшибательную плоть
Через промозглость
Отсюда в противоположность.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА КРАЮ ПРОПАСТИ, СТОЯ НА ОДНОЙ НОГЕ

Мне одиноко жить среди стен,
Сбоку-припёку сидит Диоген,
Время уходит за циферблат,
Тени не бродят, звуки молчат...
Время уходит от нас неспроста —
День мой обглодан, как кот без хвоста,
Ночь заплетает свою небылицу,
Гаснет фонарь – Диоген суетится:
«Кто там наводит тень на плетень,
Что происходит здесь, среди стен?»
Время глядит сквозь пролитую воду —
Кто среди молитв к нам идёт, как по броду?
Мысли на волю бегут словно воры —
«Стены не тонут мои из фарфора,
Как на одной удержаться ноге?»
Время пришло...
Но ушёл Диоген.

16 июня 1994 года

Через меня летят осколки
Невыносимых пустяков...
Философы лежат на полках,
Оставив мир для дураков,
А дураки клянутся честью
Как будто правнуки князей,
В том, что останутся на месте —
Накопят время для друзей.
Но я далек от толп и толков,
Которые меня наглей,
Вчера сидел, как на иголках, —
Сидеть мне завтра на игле.
Наш мир, устал и равнодушен,
Стоит, воздвигнут на костях, —
Кому не спится на подушках,
А кто-то дремлет на гвоздях,
И я снимаю треуголку
Перед мужами в париках —
Философы лежат на полках,
Весь мир оставив в дураках.

17 сентября 1994 года

Питеру Гринцую

В глубинах пепельниц
Лежит окурка тельце,
Глядится в зеркальце
Лишь пустота сердец
Желанных девственниц
И жадность цепких лиц
Жеманных ветрениц...
Нет вежливости
В книжности страниц,
Цветок до боли стиснувших,
Чья свежесть
Божественна...
Нет жалости
Во взгляде без ресниц...

25 июля 1994 года

ПЕСЕНКА ЁЛОЧКИ

*Движения скованны, ломки и кратки,
Злой ветер мне скомкал еловые лапки...
Ни облачка нету на небе, ни лодки
В кустах... только дядя в военной пилотке
Устало бредёт, голосами влекомый...
Он из лесу вышел...
Я вышла из комы.*

27 августа 1994 года

*2-ну Подольскому
«Кто ты теперь – ты иль я?»
Он отвечает: «Илья».
Какое странное эхо —
Смех как кусочки меха, —
Не поперхнуться бы,
Не задохнуться,
Быть
Тем, кого он назвал,
Иначе может надуться.
Кто я теперь? – неба тля,
Белая мушка
На прозрачной щеке,
Мне бы теперь
Быть не для
Него,
Но он любит игрушки.
«Кто ты такой?»
Но он, как орех за щекой,
Отвечает ворчаньем,
Мой язык, как Сизиф,
Перекатывает его,
Чтобы вновь оказаться в начале.*

*Сегодня с неба падает
На землю кокаин,
Выделяваю па да и
Рыдаю, словно Каин,
Ищу в тумане месяц,
Чтоб внимал он нож,
Кружусь себя на месте,
Но мне поверит кто ж?
И тело, словно дверцы,
Распахиваю – «Режь!»
А он, не видя сердца,
Мне отвечает: «Где ж?»
Где дом стоял из льдины,
А в нём огонь мерцал,
Там тот меня отрицал,
Кто раздавал сердца,
И я застыл, как хлопья
Холодного белья,*

*И я себя захопнул,
Но был ли это я?
25 ноября 1994 года*

*Бегают быстро, словно ищейки,
Мысли пустые в поисках пищи,
Дождь поливает землю из лейки
Иль из ведра с прохудившимся днищем.
Цепью прикован справа и слева,
Я растянулся, как голенище,
И бестолково тянутся к небу
Руки мои, длинней чем у нищих.
Вправо иду, словно кот я учёный, —
Песни пою и роняю поклоны,
Влево иду – за спиной своей чёрной
Слышу железные звёзд перезвоны.
Светит Луна, как консервная банка,
Её к моему привязали хвосту,
Вместе со мною она арестантка
В моей новой жизни на новом посту.*

*Мне свет горел – неясный, одинокий,
Но я пути себе не осветил,
Была река, но я воды не пил
Из той реки и чистой, и глубокой,
И голос мне таинственный шептал,
Вонзая в сердце страшную тревогу,
Явился Бог – я не узнал и Бога,
Его руки я не поцеловал.*

*Повернись и просветлей,
Рассыпья гололедицей
Под ноги задумчивым утренним эсеницинам,
Шепти прикосновеньем
Бледной Медведице
Звёздных полей,
Что снежинка – тонкий, зябкий коралл,
Восемнадцатиструнная сонная лира,
Изделие ювелира,
Который загадал.*

Английская песенка

*В Бекингемском дворце,
Проходя через залу,
Ты увидел королеву...
Под взглядами чопорных предков,
Налепленных на стены тестом,
Она указала тебе свое место:
«Великолепно!
Это приятная новость,
Что заморские гости
В минуту оплошности
Не теряют достоинства!»*

*Сегодня в полдень
Я карлицей люблюсь,
Старушкой гнойной,
Застенчиво фигуру за фигурой
Свиваю вокруг неё,
По площади кружась...
Она под нос себе ругательства бормочет,
Хихикает и кажет зуб гнилой,
А я молчу,
В сопливый кулачок
Сжимая свой наивный ужас,
Молитву сотворяя горячо.*

*Вертикалью ресниц
Отшлифована зоркость,
Кто-то падает ниц,
В ком-то пестуя подлость,
Без особых причин,
Как набравши воды в горсть,
Ты остался один —
Сам хозяин, и сам гость.
Всё затихло окрест,
Только веток сухой хруст,
Может, это твой крест,
Может, это твоя грусть,
Запирайся в дому,
Не пускай сам себя в лес,
Хорошо одному —
Бог не выдаст, свинья не съест.
И рука – не река,
Хоть похожа – ну, точь-в-точь,
А стакан молока
Опрокинут уже в ночь.
В пыль и пух облака,
И не видно вокруг ни зги...
Не проснуться никак,
У молочной уснув реки.*

Я ворвался без стука,

*Злой гений сидел на окне
И смотрел безучастно,
Обхвативши руками колени,
Он немой соучастник,
Но время сдувает пылицу
С его бархатных крыльев,
Желания сводит на нет,
И, уняв моё сердцебиенье,
Продолжает движенье к концу.*

*Жизнь припасённою рогаткою
Тебе грозит из-за угла,
Ты весь, недлинный, как и-краткое,
Легко читаешься с листа.
Своим страданьем упоённый,
В плену хрустящей пустоты,
Ты растекаешься по клёну,
Роняя жёлтые листья,
А клён стоит, как идиотик,
Слегка ветвями шевеля,
С себя пускает вертолётник
И говорит ему: «Оп-ля!»
Я в вертолётнике кружусь,
Вслед за тобой – ты приземлился,
Но я тебя не нахожу —
Ты весь пролился, весь пролился!*

Больница

Медсестра по имени Лариса
Примеряет белый колпачок,
Медсестра по имени Светлана
Насыпает белый порошок,
Медсестра по имени Марина
Отпускает ласковый шлепок,
Медсестра по имени Оксана
Расцветает пышно, как цветок.
Медсестра по имени Надежда
Ищет меня с клизмой в руках,
Медсестра по имени Татьяна
Ходит на высоких каблуках,
Медсестра по имени Ирина
Пусть меня встречает на углу,
Медсестра по имени Елена
Пусть меня посадит на иглу.

Пригласите меня на укол,
Разбудите меня среди ночи,
Пусть мне станет светло и легко
Или плохо, но только не очень,
Там, где сети раскидывал йод,
Прорастают капустные листья,
И на древе отравленный плод
Созревает с повадкой лисей.
Где прекрасный заманчивый сад
Поражает окраскою тонкой,
Многokrатно застенчивый яд
Порождает себя как ребёнка.
Веселящее жало иглы,
От огня ожиданья обуглясь,
Оставляет прямые углы
Там, где раньше встречалась округлость.
И, зияя, как ночи провал,
Не скрывая растущую ватность,
Затихает желаний овал,
Осыпаясь в тугую кроватность.

Мой друг, мне только что сказали,
Что я известный генерал!
Мой друг, зачем же Вы украли
У Карла Клару и коралл?
Сегодня вы в таком запале
Шагнули с бала на корабль,
И вдруг куда-то Вы пропали,
А с Вами – Клара и коралл.

Мой друг, мне только что сказали,
Что Вы читаете Коран,
А у меня перед глазами
Мелькнули Клара и коралл.
Король с повадками корнета
Меня тихонько подозвал,
Ведь он давно подозревал —
Не обошлось здесь без кларнета!

Моя мысль тормозит, как улитка на склоне,
Красно-жёлтый закат, как язык, ядовит,
Я завидую очень Медузе Горгоне, —
Может быть, у неё голова не болит?
Снова ночь развернула свое одеяло,
Расползаются змеи мои на ночлег,
Ты один, словно воздух – ни много, ни мало,
Темноту призываешь поднятием век.
Я очнусь и поймаю улыбку на слове,
Даже если не встречу её на губах,
Мои змеи молчат и не ставят условий,
Да и кто вам сказал, будто дело в словах?
Свет вползает в окно – осторожный и гибкий,
Я не вижу тебя, потому что светло,
Скорость света не больше, чем скорость улитки,
Если хочешь узнать, кто стоит за стеклом.
Эти светлые пятна, ума помраченье,
Искушают святую твою простоту,
Всё назначено так, всё имеет значенье,
Ты один в темноте, я одна на свету.

Я перестала быть назойливой,
Сижу печально в уголке,
Устала, натерев мозоли
На длинном остром языке,
А ты по-прежнему кокетлив
И вяжешь новые носки,
Сплетая нитяные петли
Как-будто линии руки.
И как смогли мы превратиться,
Минуя зрелости подвох,
Из королевича с жар-птицей
В двух безобидных стариков?

Я, наверное, карлица
Или зверь-тараканица,
Мне сегодня не каркается,
Мне сегодня не квакается.
Я живу каракатицей
Во стране великаницкой,

Где с лозы осыпаются
Виноградные ягодицы.
Я от них укрываюсь
Железными латами,
Я дружу с Каракаллою
И с Гаттамелатою,
Только зря я надеюсь тут
Поумнеть и состариться,
Даже если поделятся
Со мной мудрецы.
Все вокруг меня дразнятся:
«Посмотрите на карлицу!»
Мне сегодня не скачется,
Где ж мои кузнецы?

Ожидая подарка
В зоопарке страстей,
Варит время-кухарка
Мой язык без костей,
А Большая Медведица —
Добрая душа,
Льёт воду на мою мельницу
Из своего ковша.
Хнычет память —
Беспокойный младенец,
Облизывая каждый день,
Как сладкий леденец.
Холя и лелея
Капризного малыша,
Я собой не владею
И живу, не дыша,
Уйдя, как в раковину,
В свой испуг —
Язык мой – враг мой,
Кто же мой друг?

А ты не замечал грозу
И обходил её капканы,
Скупую уронив слезу
На дно большого океана.
Он перелился через край
И затопил поля и горы...
И я там был, мёд-пиво пил,
Так мы с тобой залили горе.

День очень узок,
Но я им не пойман, не связан,
Выбрав по вкусу
Ключ из заветных связок,

Я им научен
Злому волшебному слову,
Лапкой паучьей
Узел плету за узлом.
День очень хрупок,
Он мною разбит и разбросан,
Этот поступок
Немало рождает вопросов,
Но мой ответ недоступен
И самому чуткому уху:
«Сетью своей же опутан,
Я и паук, и смешная и глупая муха!»

Чёлка и грива у рыбы,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.